18+

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

Убийство Стюры Гашиной

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ БОГАТА, СИЛЬНА И ЭЛАСТИЧНА, ЧТО ОНА МОЖЕТ СОХРАНЯТЬ СВОЮ СВЕЖЕСТЬ И СВОЮ КРАСОТУ ПОСРЕДИ САМОГО ГНЕТУЩЕГО БЕЗОБРАЗИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКИ.

(Д. ПИСАРЕВ)

Анатолий Агарков

Убийство Стюры Гашиной

«Издательские решения»

Агарков А.

Убийство Стюры Гашиной / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907294-8

Я тогда работал в редакции районной газеты, был холост и любил потолкаться в толпе. Ходил в общественную баню, где после пара человек особенно словоохотлив. Пил пиво, чтобы поговорить с людьми. И разговоры эти были о вещах простых, понятных, нужных. И как-то легче становилось голове, словно банно-пивные церемонии напрочь её опустошали.

ISBN 978-5-44-907294-8

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Убийство Стюры Гашиной

Анатолий Агарков

Человеческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она может сохранять свою свежесть и свою красоту посреди самого гнетущего безобразия окружающей обстановки.
(Д. Писарев)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7294-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я тогда работал в редакции районной газеты, был холост и любил потолкаться в толпе. Ходил в общественную баню, где после пара человек особенно словоохотлив. Пил пиво, чтобы поговорить с людьми. И разговоры эти были о вещах простых, понятных, нужных. И как-то легче становилось голове, словно банно-пивные церемонии напрочь её опустошали.

В бане все споры о политике. В пивбаре круг интересов шире, темы всплывают самые разнообразные. Например, о любви. Нет, о любви здесь говорили даже чаще всего, и причиной тому была его прелестная барменша.

Представьте женщину лет тридцати с небольшим. Простое русское лицо, свежий лоб с завитками на висках, большие синие, широко расставленные глаза, в самой глубине их притихла тоска – такая тоска, на которую не хватило бы никакой воли. Спина прямая, талия узкая, волосы уложены короной и шикарная грудь. Чуть ощутимый запах духов в тяжёлом, прокуренном воздухе. Её нельзя было назвать ослепительной красавицей, скорее милой, что, на мой взгляд, лучше красоты.

Ещё недавно, до либерализации торговли, я мог видеть только её руки – она отпускала пиво на вынос через окошечко в стене. Теперь открыли бар, и мытые кружки стояли рядами на подносе. Куда народ подевался? Не стало ни очередей, ни давки у окошечка. Один-два-три посетителя сосут лениво пиво, стоя у высоких столиков, да скучает Таня – назовём её Таней – за прилавком. Грустит, поглядывая на посетителей. Грустит впрок, как грустит осенью русский человек.

Впрочем, иногда, чаще в непогоду, бар бывает полным.

В тот день на белый свет обрушилась стихия. Теперь эти циклоны, казалось, вызывает сама метеослужба, научившаяся вычислять их с поразительной точностью. Холодный, почти горизонтальный, дождь хлестал по ещё не остывшим от августовского зноя крышам. Среди капель нет-нет, да и шмыгнёт белёсым следом крупа – то ли отзвук прошедших градов, то ли предвестник будущих снегопадов.

Я хлопнул входной дверью и закрутился волчком, отряхивая куртку. Барменша, кричавшая на подвыпившего мужика, который допытывался, почему в пивбаре не продают водки, и нет ли её у Тани под полой, сразу замолчала и повернулась к новому посетителю. Я попытался прожжёно улыбнуться, подмигнув:

– Кружечку неразбавленного….

Темнолицый мужик за столиком, куда я примостился, ещё более потемнел, уставился на мою кружку и неожиданно замурлыкал песню, словно вокруг никого не было. Песня была старая, блатная, с таким, примерно, припевом:

– … мой приятель, мой приятель – финский нож.

Я не новичок в пивных барах, всяких ханыг насмотрелся. Ничуть не смутившись, отхлебнул и пропел:

– Что-то я тебя, корова, толком не пойму….

Подмигнул Тане. Она засмеялась. Подошла ближе, навалилась на витринку так, что её прекрасные, живые груди, безуспешно скрываемые красной кофточкой, легли на стекло, белея нежной кожей до умопомрачительной глубины. Я тоже улыбнулся ей навстречу, потому что люблю хорошеньких женщин и разговоры на вольные темы.

– Что, Танюша, замуж не вышла? – поинтересовался весело.

– Кто возьмёт?

– Да тут у тебя женихов – сколько хочешь. Только стоят плохо, за столики держатся, а отпустятся – тут же и падают. Выбирай и подбирай!

– Прямо-то. Кому они нужны? Много ли толку от нынешних мужиков – пожрать да гвоздь прибить, – бойко судила Таня, играя глазами.

– Ну, а для любви мужик-то нужен?

– Какая любовь! Три раза замужем была – ничего не видела. Хоть бы для семьи пожить, и то не удалось. Для первого мужика работа моя была шибко хороша. Таня домой – банку прёт. Пристрастился к пиву, ну и запил, как дырявое ведро. Сколько в него не лей – всё мало. Напьётся и лежит, как полотенце. Я, конечно, полкана с цепи. И пошла у нас свара! Разве это жизнь?

– Развелась?

– Бог развёл. Привезли мне с Дальнего Востока настой диковинного корня – женьшень, плавает в бутылке спирта. Соседи приходили дивиться: сущий человечек – ручки с ножками есть. Три года надо настаивать и пить по три капли – любую хворь снимает. Да где там – не устоял. Муженек утром встал, похмелиться нечем. Он спирт весь вылакал, а человечка съел. И умер в одночасье. В морге вскрыли его, покопались, оказалось – паршивый был мужик-то.

– Бывает, – весело согласился я.

Таня рассказывала охотно, доверительно, как хорошему приятелю, с которым давно не виделась. Она шевелила плечами, отчего груди под кофтой раскатывались по витринному стеклу и стукались, как бильярдные шары.

– Второго муженька у меня в тюрьму упекли. Ждать я его не обещалась. Дочь ему, правда, родила, от первого-то – сын. Тут третий подвернулся. Чего тебе, говорю, Петенька, родить – сына или дочку? А ему захотелось чего-то среднего.

– Как это? – не понял я.

– Извращенец оказался. Таня, встань так, да повернись эдак. А ни так, ни эдак детей не получается. Терпела я, сколько могла, а потом прогнала взашей. Одна теперь живу….

– С двумя детьми, – подсказал я.

– С тремя. Третий между прочим появился, – совсем развеселилась Таня, заливаясь смехом, от которого задрожали, забегали по витрине её прекрасные груди.

– А ты весёлая вдова, – любовался я ею откровенно.

– А чего? Квартира есть, харчей полный холодильник, тряпками шкафы забиты. Мужики вниманием не обходят. Взяла за правило – живи себе, пока рак на горе не свистнет. Горевать мне некогда, а задумчивых сама не люблю.

Тут я как раз задумался. А может, весь смысл жизни, все истины мира, вся философия толстых книг заключены в словах этой весёлой женщины с быстрым и озорным взглядом – живи, пока живётся и бери от жизни всё, что сумеешь.

– Я рыжих не люблю, – вдруг сообщила Таня, лаская взглядом мои смоляные кудри. – К белобрысым равнодушна….

– Понятно, – отрешённо отреагировал я на её признания.

– Мне брюнеты симпатичны.

– Ну да? – не поверил я и потерялся вслед за убегающей мыслью.

Темнолицый и светловолосый сосед мой слегка отшатнулся, будто для прыжка, или чтоб получше рассмотреть барменшу. Его взгляд, воспалённый ненавистью, впился ей прямо в душу.

Заметив это, я напрягся и подобрался весь, готовый пресечь любые его агрессивные действия. Чувствуя внутреннюю борьбу, происходящую в нём, гадал – с чего это он подхватился? Женоненавистник? Рогоносец? Я пригляделся к нему внимательнее.

Лет ему было больше сорока. Возможно, старили глубокие глазные впадины и лысый желтоватый лоб на половину головы. Сильное некогда тело утратило свою стать, и, казалось, ему хочется опереться на костыль. Скуластое лицо, обезображенное шрамами, прокаленное сельскими просторами, серело, как городской туман.

– Неправильно это, – процедил он сквозь зубы.

– Что неправильно? – повернулись мы к нему.

– Ад и Рай задуманы. Проще надо бы и справедливее. Честно живёшь – живи долго: заслужил. Сподличал – умри. Как только чаша терпения переполнилась грехами – тут и срок тебе.

– Интересно, – искренне подивился я, заглянув в его глаза.

Жёлтые белки его от курения ли, от плодовоягодных ли вин тускнели лежалой костью.

Сначала подумал, что мужик этот из тех людей с низкой культурой, у которых реакция порой несоизмерима с поведением окружающих – за намёк они могут оскорбить, за пустяк – ударить. Но мысли высказывал интересные.

– А вы тут не шурупы.

– В смысле?

– Не шурупите ни хрена в любви – живёте одними инстинктами, да и то примитивными.

– Ну-ну, просвети, – подзадорил я.

А Таня обиженно поджала губы:

– Было бы кого любить.

И презрительным взглядом обвела зал.

Темнолицый следом повернул голову:

– Какие это женихи? На работе колотятся, в разговоре торопятся, пьют давятся – разве понравятся?

Складно у него получилось и в самую точку.

Почувствовал жгучий, почти профессиональный интерес к незнакомцу. Таню воспринимал спокойно – понятны были её радостно-телячья философия и амёбистое ощущение жизни. В темнолицем почувствовал человека незаурядного.

Исключительность всегда поражает, а потом начинает беспокоить – где же оно, твоё, личное, ни на кого и ни на что не похожее? Разве оно отпускается не всем? Пусть не поровну, но всё-таки даётся, должно даваться. Потому что мы люди единого человеческого мира, и перед матушкой Природой в чём-то все равны.

До исключительности мне далеко – есть кое-какие слабости. Более всего на свете люблю свою работу в газете. На втором месте – интерес к красивым женщинам. И это был конкретный недостаток – в мире наверняка существовали вещи посерьёзнее, более внимания достойные. Но, признаюсь, они меня так не занимали, как, например, разбитная барменша Танька.

Но незаурядность, оригинальность мне всё-таки были присущи. Выражались в том, что все абсолютно помыслы и действия в конечном итоге обращались к газете. Раздевая барменшу взглядом, я думал не о том, как затащить её в постель, а как возникающие ощущения можно отразить в прессе, проскочив редакторские рогатки.

Но я отвлёкся. Сосед мой снисходительно слушал, а Таня рассказывала о своей жизни:

– Мужик мой первый очень хотел мальчика. Вычитал в иностранном журнале, что беременная мать должна пить уксус, и поил меня каждый день. Верно, родился мальчик, но с кислым выражением лица. Весь в папку. Ха – ха – ха! Несчастная моя жизнь!

– Жизнь тут ни при чём: она может быть прекрасной и может быть никчёмной – это как ею распорядиться, – говорил он вяло, но внятно, раздумчиво, а туманная мутность глаз и сивушный запах объясняли, что он изрядно выпивший.

– А у тебя была жена? – повернула Таня ко мне свою царственную голову.

– Расстались.

– Не лю-убил, – вздохнула Таня, – А всё о любви талдычите. Эх вы, мужики! Вот подружка моя стала замечать, что муженёк от неё гуляет. Следить за собой стал, в смысле – одеваться, возвращается поздно и весь в засосах. Она в слёзы, кричит – уйду! Мать ей травки принесла отворотной – мол, подсыпай неверному в суп, он и бросит кобелиться. День она

сыпет, два, три…. А через неделю мужика как подменили. Никуда не уходит, у телевизора торчит. О бабах и думать забыл. Подружка к матери – спасибо, родная, спасла семью. А та смеётся: какое зелье, ты понюхай – укропу я тебе дала.

– Анекдот, – буркнул я.

– Не скажи, – покачал головой темнолицый. – Вера в чудодейственное средство помогла бабе терпеть, удержала от скандалов, а мужик, утолив страстишку, успокоился. Вот и живут….

Тут интересный наш разговор был неожиданно прерван. Подошёл плюгавенький мужичонка, отвесил Тане поклон, пряча в рукаве дымящийся окурок. Пиджак его был в мусоре, волосы сырые и налипли на влажный лоб, лицо морщинистое, жёлтое, как и никотиновые пальцы, небритое, рот полуоткрыт. Он стукнул кулаком свою впалую немужскую грудь:

– Дико извиняюсь, хозяйка! Нельзя ли кружечку в долг? Ты меня знаешь – за мной не заржавеет.

– Баобаб ты, Вовочка, – вздохнула Таня и пошла наливать.

– Баобаб в смысле бабу… оп? – обрадовался пьянчужка.

– В смысле – сучий потрох, – пренебрежительно и в то же время со скрытой угрозой сказал темнолицый и добавил. – Ты паря не мен, а драный хрен, так что….

Вовочка покосился на него, подхватил свою кружку и шмыгнул в угол.

Я ждал продолжения разговора, в упор рассматривая изрытое шрамами лицо.

Проводив пьянчужку суровым взглядом, незнакомец задумался. Тёмное лицо его постепенно обмякло, как-то набухли нижняя челюсть и подбородок. У меня мелькнула мысль – уж не хочет ли он заплакать.

– Вот тоже чудо в перьях, – кивнула Таня на ушедшего Вовочку. – Руки золотые, а голова с дырой. Накалымит денег воз и пьёт, покуда не пропьёт. Друзья все вокруг, а деньги кончились – никто и не опохмелит. Теперь он в горе….

– Горе и беда идут к тому, кто живёт быстрее, думает шире и чувствует глубже. А развесёлое счастье валит дуракам, как деньги калымщику. Что-что, а горе от неприятностей могу отличить….

Темнолицый говорил и вдруг осёкся. Я встрепенулся, поражённый его дрожащим подбородком, затрясшимися щеками и стеклянно блеснувшими глазами. Да в них же стояли слёзы! Слёзы у такого сурового на вид мужика? Да он же сейчас зарыдает!

Темнолицый смахнул слезу, будто утёр нос, покосился на меня:

– С утра нос чешется – в рюмку глядеть.

– В рюмку глядеть или с лестницы лететь, – подхватила Таня. – Есть такая примета.

Я наклонился к её уху, не забыв зыркнуть за пазуху:

– Может для знакомства по пятьдесят грамм с товарищем?

Барменша искренне и печально покачала головой.

Темнолицый услышал и изрёк:

– С кем попало не пью. Мы с тобой не поддавали, в вытрезвителе не спали….

– Пью не для того, чтобы напиться, а чтобы искоренить. Впрочем, какие проблемы – познакомимся, – я протянул руку. – Анатолий.

Темнолицый подумал, пожал мою пятерню и вздохнул:

– Николай.

– Водки нет – напьёмся пива. Танечка, повтори, – я подхватил обе кружки, свою и его, а когда он принял моё угощение, осмелел. – Готов поспорить, у тебя в жизни была какая-то непростая история, связанная с любовью к женщине.

Он помолчал, вздохнул, будто уступая, и заговорил тихо, печально, повествовательно:

– Любовь…. Куда не сунься – всё о ней. В кино, книгах…. песни поют. У девчонки груди не проклюнулись, она о любви мечтает. Не знает, что всё это призрак, мираж, пустые мечты ни о чём.

Голос его ослабел, во взгляде не стало силы. Плоские щёки показались вялыми, как у плачущего. Ну-ну, пусти слезу….

А потом, в какой-то момент, вдруг воспряли с новой силой.

– Ан есть! Какими только путями ей не приходится ходить, куда только она не прячется и чего только не творит. А сколько ей самой достаётся! Ею жертвуют ради карьеры, наград, престижной работы. Ради этой самой, материальной базы, этого самого жизненного уровня, который частенько принимается за счастье. И живётся любви с этой самой базой, как бабочке с бульдозером, потому что она духовна и бьётся легче хрустальной вазы…. Но кто знает, какими путями должна ходить настоящая любовь? Может для неё и нет дорог лёгких да наклонных. Как их нет для всего настоящего и искреннего. Может истинная любовь не даётся без мук и борьбы, и не стоит её ждать Божьим даром?

Тёмнолицый Николай умолк, и в глазах его клубком свернулась тоска. Откуда она у него – ползёт, как серый туман по болоту. Всё ясно – зэк. Взгляд поймал наколку на кисти, и мысль заработала в нужном направлении. Только у зэков с большим стажем ещё и можно встретить такое идиллическое представление о любви. Романтики решётки!

Я ухмыльнулся.

Чёрт, который во мне сидит, как во всяком человеке, рядом с ангелом, тянул за язык ляпнуть какую-нибудь колкость в адрес братвы и её сексуальных пристрастий. Николай вдруг посуровел, глядя на меня.

– Ты коммунист? – зло спросил он.

С некоторых пор это слово стало ругательским не только в тюремной среде.

– Я журналист! – звонко ответил я.

Черты его смягчились.

– Ничего не пишешь? Я имею в виду книги….

– Увы, – вздохнул я, – только в мечтах.

– Есть цель в жизни?

– Как у всякого настоящего мужчины – переделать себя и мир под себя.

– Хорошая цель, – похвалил Николай.

Тане, зачарованной его страстным монологом, не терпелось вернуться к разговору о любви.

– Вот в книгах пишут: выше любви ничего нет, а я добавлю – только до свадьбы, а потом куда что деётся? Возлюбленную можно унижать, оскорблять, бить, а при случае и убить. С вас, мужиков, всё станется.

От её слов Николай напрягся. Напрягся до заметной бледности на тёмном лице. А потом вдруг ринулся через столик – лёг грудью на столешницу, разбросал руки и положил голову на щеку, как упавшая птица. Сквозь его льняные волосы лысина просачивалась к затылку.

– Рубите мне шею, – захрипел он судорожно. – Я не преступник, я – святотат. Меня судили за убийство друга, жены и поджёг родного дома. Есть ли для русского человека преступления более тяжкие?

Таня, возбуждённая драматизмом происходящего, глубоко дышала, её груди пытались выскочить из кофточки.

– Ты убил любимую женщину? Из ревности? И ты её до сих пор любишь? Даже мёртвую?

– Любовь к мёртвым самая сильная – она бесконечна. Им даже изменить нельзя, – Николай выпрямился.

– Рассказывай всё, – попросил я без всякого нажима, но не сомневаясь, что он и сам этого хочет.

– Расскажи, не ломай себе душу молчанием, – волновалась Таня. – Это, должно быть, жуткая история.

Николай покосился на неё и усмехнулся:

– Девке срок грозит девять месяцев, и то ломается.

И всё же после некоторого раздумья заговорил:

– Как вы уже догадались, когда-то я был не таким, как сейчас. Когда-то у меня была другая жизнь, и была в той жизни женщина. Какая же драма может обойтись без неё? Это была жена, которая всегда рядом, красавица, на которую молишься, умница, которой восхищаешься. Настолько идеальна, что теперь кажется мне, образ её мелькнул где-то в дымке и пропал навсегда и в то же время растворился во всём мире, во всех женщинах. Улыбнётся кто-нибудь в проходящем автобусе – кажется, она – я бегу и не догоню никак. Чаще видится в полях. Хочется остановить, заговорить, прикоснуться к мокрому от росы платью. Но сколько не спеши за ней, всё она у горизонта. Когда-то я полагал, что любовь может быть важной только для женщин. Не думал, что так может захватить и не отпускать многие годы….

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.